

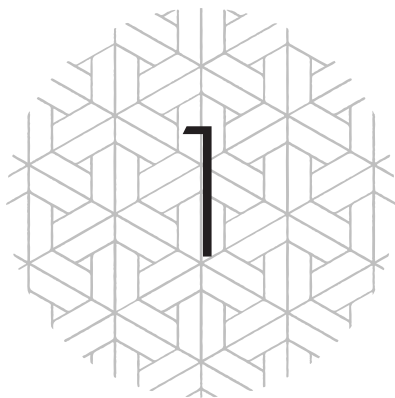
ГЭНК И КАВАМУРА

если твоя
память
исчезнет

 БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Москва

За дверью распахнулось желтое небо. На горизонте — ни единого облака, но и диска солнца уже нигде не видать.

Я спустилась по склону улицы и свернула направо. Нужно поспешить. Идзуми уже совсем скоро приедет.

Вдоль плавного спуска тянулись жилые дома, по форме — почти один к одному. Откуда-то доносились звуки фортепиано. «Грезы» Шумана. Снова и снова проигрывался один только второй такт.

Точно, сегодня же у нас урок по фортепиано! Мику-тян, милая, повнимательнее к фа и ре... Ох, уже скоро начало занятия. А мне еще нужно успеть сходить... Так, а куда мне нужно сходить?.. Куда я сейчас шла? Ах, точно! В супермаркет. Тот, что у станции. Сегодня вечером

приезжает Идзуми. Приготовлю ему мясо с рисом по его любимому рецепту. И сладкий омлет, который ему нравится. С помидорами. Так.. Майонез дома вроде еще есть. Или нет.. Лучше купить на всякий случай. Черт, поезд Идзуми уже совсем скоро. Надо побыстрее расправиться с покупками. Нужно бы ускорить шаг.

По одинокому переулку разносился стук, отскакивавший от асфальта под ударами спешащих туфель. Вдали показались качели. Похоже, здешние дети разбрелись по домам совсем недавно: проржавевшие цепи еще продолжали покачиваться. Рядом затаились качалка и потертая временем горка. Сбоку к этой маленькой детской площадке примыкала крутая лестница. Длинный спуск ее вел к железнодорожным путям. По ним беззвучно пробегали красные вагоны.

Желтый, словно усыпанный цветами одуванчиков, простор неба. Под ним — плотно застроенный, будто замощенный зданиями, жилой микрорайон. За ним должно виднеться море, но сейчас все вдали было размыто дымкой тумана.

—Юрико, ты что удумала?

Я повернулась на голос. Отец?

—Тебе просто нужно успокоиться и еще раз все хорошенько обдумать.

Мама приложила платочек к глазам.

«Отец, мама, простите меня. Но я не могу бросить своего ребенка». Я пытаюсь произнести эти слова, мои губы

шевелиются, но почему-то вместо голоса просачивается только сдавленный воздух.

—Ладно, раз ты по-другому не хочешь, то поступай как знаешь. — Глаза отца наполняются безразличием, он разворачивается ко мне спиной и устремляется вдаль. Мама идет следом.

Я хочу побежать за ними, догнать,
но мои ноги не двигаются с места.

Что же делать? Кто-нибудь,
пожалуйста! Помогите мне!

Силуэты папы и мамы окончательно растворились вдали. Я, обессилев, опустилась на сиденье качелей. Под размеренное движение ржавых цепей я смотрела куда-то вглубь желтого полотна. Вдруг раздался пронзительный звук, подобный дребезгу стекла: по куполу неба потянулась трещина. Сквозь открывшуюся щель показалось лишенное объема белое пятно, и в это же мгновение поверхность земли пошла волнами. Видневшиеся вдали здания, словно костяшки домино, рушились, падая друг на друга.

—Идзуми... — сорвалось с моих уст. — Идзуми! Идзуми! — выкрикивала я снова и снова.

Как же быть... Идзуми уже должен приехать. Но меня ждет Асаба. Мне нужно идти: он же ждет! И надо купить лук, морковь и говядину. И майонез. Я не успеваю.

Мику-тян, давай начинать наш урок. Итак, второй такт «Грез». Не забывай про фа и ре... Отец, мама, простите.

Пробитое белизной небо темнело на глазах. На отдававшем серым оттенком желтом полотне взорвалась вспышка фейерверка, за ней еще одна. Какой странный фейерверк! Почему вспышки полукруглые? Где нижняя часть искр? Я наблюдала за поднимавшимися друг за другом половинчатыми вспышками и вдруг расплакалась. Почему-то они казались по-особенному красивыми.

Прибыв, Касай Идзуми обнаружил, что мамы дома нет.

Порог дома пропитан запахом старости. Разуваюсь, он позвал маму. Голос рассеялся по темному коридору. В гостиной — уже отсюда видно — свет тоже выключен. Да и на втором этаже мамы, скорее всего, нет. В доме стоит леденящий холод. По ощущениям, даже на улице теплее. Идзуми подтянул собачку молнии на куртке. Озноб начал пробирать его еще по пути со станции, и он грел себя мыслью о том, как тепло будет дома. И какое разочарование!

Идзуми прошел на кухню. В нос ударил затхлый запах. Изначально предполагалось найти здесь маму за готовкой ужина, но в этот раз что-то пошло не так. Идзуми включил лампу, которая озарила светом гору невымытой посуды, образовавшуюся в крохотной раковине. На плите — кастрюля с остатками недоеденной пекинской капусты. Такое даже во сне вряд ли можно было увидеть: мама всегда поддерживала безукоризненный порядок в доме и к мытью посуды подходила очень тщательно.

В детстве Идзуми приходилось стоять у раковины только в одном случае: когда мама слегала с какой-нибудь простудой. Сразу по возвращении из школы он шел прямо на кухню, приставлял стул к раковине, забирался на него и, вытянув руки, начинал вспенивать губку. Ему нечасто выпадало мыть посуду, но когда так случалось, он докладывал маме о выполненном деле так, как если бы отчитывался о ходе изнурительной операции. За чем следовали мамины слова: «Какую невероятную работу ты проделал! Спасибо!»

Однажды, воодушевленный такой похвалой, он решил помыть посуду и утром следующего дня. Выполнявший весь процесс уже на автомате, Идзуми внезапно почувствовал, как очередная посуда начала выскальзывать из рук. В тот момент уже было ничего не исправить.

Это была чашка в традиционном стиле, с которой мама всегда обращалась очень бережно. Идзуми не раз слышал о том, что эта вещь попала к ней в руки, когда в молодости она ездила в путешествие на Кюсю. Больше десяти лет уже прошло.

Мама прибежала на звук и обнаружила в раковине расколотую ровно пополам чашку. «Идзуми, все хорошо? Ты не поранился?» — воскликнула она, принявшись осматривать руки сына. На подушечке указательного пальца обнаружилась застывшая божьей коровкой капля крови. Идзуми и ахнуть не успел, как мама сунула порезанный палец себе в рот. Мальчик почувствовал, как кончик пальца окутывает теплая слюна, и его тут же захлестнули угрызения совести, все сжалось внутри.

Из кухни Идзуми перешел в гостиную. Там он разом включил свет, кондиционер и телевизор. Посреди комнаты демонстративно располагался — словно указывая, чья

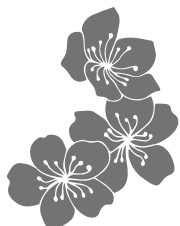
это территория, — почтенного возраста рояль. Телевизор и звуковая система, даже не претендуя на господство, ютились в тени музыкального инструмента.

Жизнь матери Идзуми всегда крутилась вокруг фортепиано. После выпуска из консерватории она устраивала небольшие сольные концерты, а для того чтобы зарабатывать на жизнь, выступала по заказу на различных мероприятиях. После рождения ребенка она стремилась найти источник стабильного дохода и потому стала давать частные уроки фортепиано. По сарафанному радио сразу разнеслось известие о «прелестной пианистке с педагогическим даром», и к ней хлынул поток учеников. В детстве Идзуми тоже занимался с мамой музыкой. Но во время их уроков она становилась совершенно другим человеком, была очень строгой, даже пугающей. И когда Идзуми пошел в младшую школу, он собрался с духом и сказал матери, что хочет бросить это дело. Мама немного нахмурилась и ответила: «Не обращай на меня внимания, просто играй». Потом она, впрочем, добавила: «Насильно мил не будешь; музыка должна идти от души». Принуждений и упреков больше не последовало.

Кондиционер с забитым грязью фильтром, жалобно постанывая, выдыхал чуть теплый воздух. Откуда-то слегка несло запахом плесени. Идзуми попробовал позвонить маме на мобильный, но раздавалось шесть-семь гудков — и дальше только голос автоответчика.

У окна располагалась фотография в рамке — с их поездки с мамой на горячие источники. Тогда они останавливались в рекане. Изображение, конечно, не передавало в полной мере изящество той гостиницы, сохранившей национальные черты. Идзуми и мама стоят у входа. В соответствии с атмосферой места они облачены в юката. Сколько лет уже прошло с той поездки?.. Года два-три. А быть может,

и больше. В памяти Идзуми всплыл эпизод путешествия: когда к ним в комнату принесли ужин, мама все восхищалась лангустом и без конца повторяла: «Как же вкусно. Вот бы еще сюда приехать». Идзуми, выведенный из себя этой шарманкой, в какой-то момент бросил: «Да я все уже понял!» После этих слов мама немного поникла, и теплый голос ее произнес: «Уж прости меня».

Семейных снимков у них,
конечно, — по пальцам можно
пересчитать.

Идзуми сел за стол и уставился в телевизор. Так незаметно пролетел почти час. Над задним двориком висело фиолетовое небо. Его безграничность скрывал гигантский жилой массив. И когда за окном то тут, то там стали отблескивать крошечные белые огни, Идзуми почувствовал бездонную пустоту желудка. Его стало волновать, что мама до сих пор не вернулась. Он же предупреждал ее, во сколько приедет... Да и на улице уже смеркалось. Все в такое время сидели по домам.

Идзуми поднялся на второй этаж, зашел в свою старую комнату, закинул на кровать рюкзак. Постель откликнулась стоном. Дешевенькая с металлическим каркасом, она стояла здесь еще с тех времен, когда Идзуми ходил в старшую школу. Он повернулся и окинул взглядом полки: на них все так же располагалось несколько карманных книг-детективов и коллекция CD с западной музыкой. В стороне от шкафа была выставлена электрогитара, темно-коричневый Telecaster, некогда подаренный мамой. Инструмент покрывала пыль, которую не тревожили уже

много лет. До самого выпуска из университета Идзуми играл в одной студенческой музыкальной группе, но за все время так и не смог добиться такого исполнения, которое сам бы не считал никудышным.

Согнувшись для поддержания равновесия, Идзуми спустился по крутой деревянной лестнице обратно на первый этаж. По пути в прихожую он поймал взглядом брошенный на диване в гостиной мамин шарф. У входной двери всунул ноги в тряпичные кеды и переступил порог дома.

Идзуми спустился по склону улицы и свернул направо. «Куда же мама могла пойти?» Он даже не обратил внимания, как перешел на легкий бег. Ускорение темпа пришлось весьма кстати: движение заглушало чувство холода. В свете уличных фонарей рассеивались белые пары выдыхаемого воздуха. Город в ожидании Нового года, казалось, сиял большим количеством огней, нежели обычно. Из окон домов, что тянулись вдоль плавного уличного спуска, просачивался блеклый свет и доносились звуки телевизоров.

Идзуми свернул в переулок, который заканчивался крутой лестницей. Через этот спуск можно было срезать путь до станции. Идзуми взялся уже было за поручни, как его взор зацепился за покачивавшиеся на соседней площадке качели. Под фонарем, жизненные силы которого словно вот-вот собирались угаснуть, виднелась фигура Юрико.

Под скрип покачивавшихся качелей она озидала распластавшийся впереди ночной город. Идзуми стал тихо приближаться, стараясь не напугать маму. Подойдя, в скудном свете он заметил, что на лице Юрико появилось несколько морщин. С их видом к Идзуми пришло

осознание, что всегда для него одинаковая мама меняется: она стареет, и ход этого процесса никак не останавливать. В то же время он чувствовал в этой фигуре на качелях и что-то удивительно детское.

Юрико не обратила внимания на сына, даже когда тот подошел практически вплотную к качелям: она все глядела на огни ночного города и мягко улыбалась. Так, будто видела сладкий сон.

—Мам, что ты делаешь в таком месте? — спросил Идзуми еле слышно. Он еще слегка задыхался.

—Нужно... возвращаться, — протянула Юрико будто сама себе.

—В смысле?

—Нужно возвращаться. Так больше нельзя...

—Да о чем ты, мама?

—Ой, Идзуми? Прости.

Юрико наконец перевела взгляд на сына. Пронзительный блеск еще влажных от слез глаз лишили Идзуми дара речи. Он еще никогда не видал маму такой.

—Ты меня напугала. Я приехал домой, а тебя нет.

—Прости. Я просто так устала, пока бегала по этому супермаркету... — тяжело сказала Юрико, у которой ничего не было в руках.

—Так ведь и простудиться недолго!

Идзуми подошел к матери, снял с себя куртку и накинул ее на плечи Юрико. Сама же она была только в безупречно выглаженной белой блузке со скромным темно-синим кардиганом поверх. Как ни посмотри, для такого-то времени года наряд слишком легкий.

—Ну что? Пойдем домой и будем отогреваться? Чай горячий заварим.

—Нужно купить лук с морковкой. И говядину еще...

—Тогда вместе сходим в магазин?

Юрико кивнула и снова окинула взором жилой район, раскинувшийся вниз по холму и дальше за ним. На железнодорожных путях, уходивших бесконечной полосой в обе стороны, показался красный поезд. Пассажиров было не видно. Еще бы — последняя ночь уходящего года. Вереница вагонов двигалась на удивление неторопливо, но через некоторое время она таки скрылась из поля зрения.

У станции находился супермаркет, чем-то походивший на парк развлечений. Четыре года назад до города, который прежде не видал ничего, кроме мелких торговых точек, добралась сеть крупных розничных магазинов. В результате и здесь появилось такое место, где можно было найти сразу и продукты питания, и товары повседневного спроса, бытовую технику и одежду, лекарства. Такой магазин по определению не был супермаркетом, но Юрико называла его именно так: по ее словам, одна только мысль об универмаге или торговом центре сразу отбивает у нее желание туда идти.

На полках с продуктами, как и полагается за несколько часов до наступления Нового года, было негусто. Юрико

шла впереди, вернее, даже неслась, хотя ей не была свойственна такая торопливость.

—Куда ты так бежишь? Давай помедленней. — Идзуми, толкавший тележку, пытался не отстать от матери.

На какую полку ни глянь — упаковки доброй части продуктов так и кричали об их лучших качествах: «источник питательных веществ», «укрепление иммунитета», «без глютена», «полезно для здоровья». Идзуми смотрел на товары как турист на экскурсии: за то время, пока он не посещал магазины, ассортимент значительно изменился.

В окрестностях многоэтажки в центре Токио, где теперь жил Идзуми, супермаркетов практически не было, и он привык продукты и другие нужные товары заказывать в интернете с доставкой до двери. Механизмы сайта очень упрощали процесс: они сами рекомендовали к покупке товары, подобранные на основании предыдущих заказов, «Избранного» и работы алгоритмов по анализу предпочтений. Пара кликов на сайте — вот и сходил за покупками.

Юрико суетливо перемещалась от одного стеллажа к другому. «Так, это надо взять обязательно. Ой, вот это тоже пригодится», — приговаривала она, укладывая в красную тележку помидоры, морковь и другие продукты. Мама брала все в таком количестве, будто закупалась на месяц вперед, и Идзуми это немного настораживало.

Юрико положила в тележку самые дорогие венские сосиски.

—Может, лучше взять вот эти? — предложил Идзуми, указывая на упаковку подешевле.

—Да? А в детстве ты привередничал, никакие другие не ел. Возьмешь не те — и сразу истерика! — Судя по голосу, мама улыбалась.

—Аж до такого доходило? Совсем не помню...

—Да у тебя всегда была девичья память! — добродушно заметила мама и потянулась за приправой для соуса. — У нас сегодня на ужин твоё самое любимое: я приготовлю хаяси райсу и сладкий тамагояки.

Когда тележка оказалась заполнена, мать с сыном направились в сторону кассы. Там Юрико достала из кармана кошелек, кожаный, с оригинальным логотипом раскрученного бренда. Идзуми купил для мамы этот аксессуар в дьюти-фри за границей. Но сейчас кошелек выглядел не очень презентабельно: он был раздут, как пышная слойка. Когда Юрико открыла его, стало заметно, что отсек для бумажных купюр забит чеками, а кармашек для мелочи разрывается от монет. А ведь раньше мама всегда по возвращении из магазина перебирала содержимое кошелька. Размышляя об этом, Идзуми поймал себя на том, что всматривается в «пышку» с деньгами.

—Мне в последнее время совсем не удастся отсчитывать нужную сумму, — начала оправдываться Юрико, заметив застывшего в созерцании сына. — Поэтому всегда купюрой расплачиваюсь. Вот мелочь со сдачи и копится... — Она стыдливо опустила глаза и закрыла кошелек.

—Можно я заскочу еще на третий этаж? — спросил Идзуми после того, как закинул купленные овощи в пакет. Тот оказался неустойчивым и чуть было не упал с упаковочного стола, но Идзуми быстро среагировал и подстраховал его.

—Тебе что-то нужно купить? — поинтересовалась мама. В ее пакете все продукты были аккуратно уложены, так, что он имел безупречную круглую форму.

—Как-то холодно дома. Думаю, может, термобелье купить, в нем спать лечь.

—Кондиционер дома совсем не греет... Прости, пожалуйста.

—Да все в порядке! Это просто я мерзляк.

—Ну да, ты и правда вечно мерзнешь.

—Да, есть такое.

Идзуми невольно хихикнул. Сколько он себя помнил, ему претили и мороз, и жара. Еще в младшей школе Идзуми удивил маму заявлением: «Ненавижу лето и зиму! Вот бы были только осень и весна!»

—Давай я и тебе комплект куплю?

—Нет-нет, мне и так хорошо, не стоит. Я тоже еще в один магазин пока зайду.

—Хорошо, тогда встретимся минут через пятнадцать у выхода.

Идзуми поднялся на эскалаторе на два этажа и принялся искать одежду с функцией защиты от холода. Блуждая теперь в одиночестве между ровными рядами стеллажей и стоек, он заметил, что ему словно стало легче дышать. Не прошло и часа, как они с мамой встретились, а от совместного времяпрепровождения он уже ощущал